

Европейский Суд по правам человека: обзор постановления Большой Палаты от 28 ноября 2017 года по делу *Мерабишвили (Merabishvili) против Грузии* (жалоба № 72508/13)*

Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека по делу *Мерабишвили (Merabishvili) против Грузии* касается задержания и предварительного заключения бывшего премьер-министра Грузии, которые, как утверждал заявитель, преследовали скрытые цели. Большая Палата пришла к выводу о том, что, несмотря на изначальное соответствие Конвенции о защите прав человека и основных свобод задержания и предварительного заключения заявителя, необоснованное продление срока заключения, а также использование его властями Грузии с целью получения от заявителя сведений нарушили, соответственно, пункт 3 статьи 5 и статью 18 в сочетании с пунктом 1 статьи 5 Конвенции. В этом деле Большая Палата обобщила предшествующую практику по статье 18 Конвенции, подтвердив ранее сформулированные правовые позиции о том, что, несмотря на невозможность самостоятельного применения статьи 18, она может быть нарушена даже тогда, когда отсутствует нарушение той статьи, в сочетании с которой она применяется, и что она может быть нарушена только в случае, если конвенционное право, в которое было осуществлено вмешательство, может быть ограничено, то есть является относительным, а не абсолютным. Кроме того, Большая Палата уточнила, применительно к ситуациям, когда ограничение преследует множественные цели, как предусмотренные Конвенцией, так и нет, что само по себе это не является нарушением Конвенции и в таких случаях необходимо определять преобладающую цель. Наконец, в части стандарта доказывания жалобы на нарушение статьи 18 не требуют обязательного предоставления заявителем «прямых и неопровержимых доказательств» и могут подтверждаться косвенными доказательствами.

→ *Право на свободу и личную неприкосновенность; лишение свободы; задержание; предварительное заключение; пределы использования ограничений в отношении прав; множественность целей; преобладающая цель; скрытая цель ограничения прав; стандарт доказывания*

DOI: 10.21128/2226-2059-2018-1-20-37

Предшествующее решение Палаты: Постановление от 14 июня 2016 года (Секция IV) по делу *Мерабишвили (Merabishvili) против Грузии* (жалоба № 72508/13).

Фактические обстоятельства дела. До выборов в октябре 2012 года заявитель, один из лидеров правящей партии «Единое национальное движение» (далее — ЕНД), занимал посты министра внутренних дел и премьер-министра. После того как политическая коа-

лиция «Грузинская мечта» выиграла выборы и сформировала новое правительство, заявитель возглавил ушедшее в оппозицию ЕНД.

Заявителя задержали 21 мая 2013 года в связи с возбуждением против него двух уголовных дел, связанных с преступлениями, которые он, предположительно, совершил на государственной службе.

22 мая 2013 года по ходатайству прокуратуры Кутаисский городской суд избрал заявителю предварительное заключение на том основании, что он мог скрыться или воспрепятствовать сбору доказательств. В части риска побега прокурор сослался на то, что зая-

* European Court of Human Rights. *Merabishvili v. Georgia* [GC]. Application no. 72508/13. Judgment of 28 November 2017. Обзор подготовлен Димитрием Сергеевичем Медниковым (e-mail: d.mednikov@mail-ilpp.ru).

витель имел значительное количество контактов за рубежом, его жена покинула Грузию сразу же после вызова его на допрос, обыск в его квартире выявил значительную сумму наличных денег и у него мог быть поддельный паспорт. Апелляционная жалоба заявителя на это решение была оставлена без удовлетворения.

Дважды, 28 мая 2013 года и 24 июня 2013 года, заявителю предъявлялись дополнительные пункты обвинения. В частности, 28 мая 2013 года суд также избрал предварительное заключение в отношении нового обвинения.

25 сентября 2013 года заявитель ходатайствовал об освобождении, поддерживая выдвинутые ранее аргументы. Кроме того, он указывал на то, что расследование было окончено и все свидетельские показания и иные доказательства были собраны, что означало отсутствие риска оказания им давления на свидетелей. Сторона обвинения утверждала, что такой риск сохранялся, ссылаясь на инцидент в ноябре 2012 года, когда заявитель был остановлен в аэропорту Тбилиси при попытке выехать за границу, используя поддельный паспорт, и угрожал начальнику полиции с целью прекращения расследования. Сторона обвинения также указывала, что свидетелям всё ещё предстоит выступить в судебном заседании. В тот же день суд отказал в удовлетворении ходатайства заявителя без указания причин.

7 октября 2013 года заявитель вновь ходатайствовал об освобождении, однако суд отказал ему в этом со ссылкой на отсутствие каких-либо новых обстоятельств.

Согласно заявителю, ранним утром 14 декабря 2013 года он был тайно доставлен из тюрьмы на встречу с Генеральным прокурором О.П. и руководителем Департамента исполнения наказаний Д.Д. Оба лица угрожали ему с целью получения сведений о банковских счетах бывшего Президента Грузии Михаила Саакашвили и смерти бывшего премьер-министра Зураба Жваниа, который, согласно официальной версии, погиб в результате несчастного случая от отравления угарным газом.

17 декабря 2013 года заявитель сообщил о произошедшем на слушании его дела в прямом эфире и призвал власти проверить записи с камер видеонаблюдения в тюрьме.

20 декабря 2013 года Следственный отдел Министерства исполнения наказаний начал проверку утверждений заявителя. Заместитель руководителя Департамента исполнения наказаний проинформировал заместителя руководителя Следственного отдела о том, что копии записей с камер видеонаблюдения в тюрьме и здании Департамента за соответствующий период были уничтожены по прошествии 24 часов. В ходе проверки были изучены записи с камер видеонаблюдения на заправочных станциях и иных объектах, расположенных вдоль дороги, по которой должен был проехать автомобиль с заявителем. В январе 2014 года проверка была окончена по причине неподтверждения утверждений заявителя.

В феврале 2014 года заявитель был признан виновным по большинству предъявленных ему обвинений. Приговор был оставлен без изменения судом апелляционной инстанции.

После рассмотрения дела в Европейском Суде в 2016 году Генеральная прокуратура провела расследование, в ходе которого были впервые допрошены Генеральный прокурор О.П. и бывший руководитель Департамента исполнения наказаний Д.Д. Прокуратура прекратила расследование, поскольку пришла к выводу, что утверждения заявителя не нашли своего подтверждения.

Итоговый вывод решения: задержание и предварительное заключение на основании обоснованного подозрения в совершении лицом правонарушения при указании срока такого заключения не в решении суда, а в национальном законодательстве не нарушило пункт 1 статьи 5 Конвенции (единогласно); избрание предварительного заключения в ситуации реального риска побега лица и при отсутствии иных менее ограничительных мер предупреждения этого риска не нарушило пункт 3 статьи 5 Конвенции (единогласно); продление судом срока предварительного заключения без указания оснований либо со ссылкой на то, что само лицо не продемонстрировало дальнейшую необоснованность его предварительного заключения, нарушило пункт 3 статьи 5 Конвенции (единогласно); оказание властями давления на бывшего лидера оппозиционной партии в ходе его предварительного заключения с целью получения от него сведений о третьих лицах составило

нарушение статьи 18 Конвенции в сочетании с пунктом 1 статьи 5 Конвенции (девять голосов — «за», восемь голосов — «против»).

Мотивы решения. По поводу предполагаемого нарушения пункта 1 статьи 5 Конвенции Европейский Суд указал следующее.

2. *Общие принципы в контексте подпункта (с) пункта 1 статьи 5 Конвенции*
<...>

183. Чтобы соответствовать данному положению, задержание или заключение под стражу должно удовлетворять трём условиям.

184. Во-первых, должно существовать... «обоснованное подозрение» в совершении правонарушения соответствующим лицом. [Это] предполагает наличие фактов или сведений, которые будут достаточными для того, чтобы объективный наблюдатель заключил, что соответствующее лицо могло совершить правонарушение. Обоснованность подозрения зависит от всех обстоятельств, однако не требуется, чтобы факты, которые вызывают подозрение, достигали уровня, необходимого для осуждения или даже предъявления обвинения...

185. Во-вторых, целью задержания или заключения под стражу должно являться представление соответствующего лица перед «компетентным органом» — этот аспект необходимо рассматривать независимо от того, была ли данная цель достигнута...

186. В-третьих, задержание или заключение под стражу должно... быть «законным» и произведено «в порядке, установленном законом»... Эти два в определённой степени пересекающихся выражения отсылают, в сущности, к национальному праву и накладывают обязанность соблюдать его материальные и процессуальные положения... Этого, однако, недостаточно; пункт 1 статьи 5 Конвенции также требует того, чтобы национальное право само по себе соответствовало принципу верховенства права. В частности, это означает, что закон, предусматривающий лишение свободы, должен быть в достаточной мере доступным, определённым и предсказуемым в применении... Это также означает, что задержание или заключение под стражу должно согласовываться с целью пункта 1 статьи 5, которая заключается в предотвращении произвольного лишения свободы...

<...>

3. *Применение указанных принципов*

(а) *Задержание заявителя*

<...>

189. Остаётся установить, являлось ли задержание «законным» и проведённым «в порядке, установленном законом».

190. В соответствии с пунктом 1 статьи 171 Уголовно-процессуального кодекса Грузии задержание должно, по общему правилу, быть основано на постановлении суда. Пункт 2 статьи 171 предусматривает случаи, в которых задержание может в виде исключения быть произведено без судебного постановления. Единственным из них, на который ссылались власти в настоящем деле, являлся подпункт (е), согласно которому постановлением возможно пренебречь, если существует риск побега. Пункт 3 статьи 171 устанавливает дополнительное требование: указанный риск нельзя предупредить иным образом, соразмерным обстоятельствам предполагаемого правонарушения и личным качествам обвиняемого... <...>

191. Несмотря на то что указанные вопросы касаются применения грузинского законодательства, Суд компетентен рассмотреть их... Там, где Конвенция отсылает к национальному законодательству, как это имеет место в подпункте (с) пункта 1 статьи 5, нарушение такого законодательства приводит к нарушению Конвенции, а значит, Суд вправе и должен оценить, было ли данное законодательство соблюдено... <...>

192. В протоколе задержания заявителя следователь указала, что в 2012 году он уже попытался пересечь границу при помощи поддельного паспорта; из этого с долей вероятности следовало, что он предпримет попытку покинуть Грузию. [Из протокола также следовало], что он многократно выезжал из страны, и, следовательно, у него не возникнет каких-либо сложностей с выездом за границу... <...> Суд не считает, что её выводы... были произвольными или явно противоречили пунктам 2 и 3 статьи 171 Уголовно-процессуального кодекса. Хотя подробное объяснение, почему риск побега заявителя являлся серьёзным и не мог быть предотвращён никак иначе, как с помощью ареста, было бы желательным, ничто не указывает, что степень детализации причин, изложенных в протоколе ареста заявителя, очевидным образом не соответствовала требованиям грузинского законодательства.

193. Более того, принимая на следующий день решение о предварительном заключении заявителя, Кутаисский городской суд также рассмотрел, хотя и кратко, законность его задержания... и решение [суда] было оставлено без изменения Кутаисским апелляционным судом... <...>
<...>

(b) *Предварительное заключение заявителя*

195. <...> [Заявитель]... оспаривал отсутствие определения Кутаисским городским судом срока его предварительного заключения и утверждал, что заключение являлось необоснованным, поскольку оно было избрано без должного учёта его индивидуальной ситуации и... фактически преследовало скрытую цель.
<...>

197. Отсутствие определения Кутаисским городским судом срока [предварительного заключения] не ставит вопрос о нарушении [подпункта (с) пункта 1 статьи 5]. Грузинское законодательство этого не требовало... <...>

198. В пункте 1 статьи 5 Конвенции также не закреплено самостоятельное требование том, что в решениях об избрании предварительного заключения указывается его срок.

199. Действительно, заключение на неопределённый срок в связи с пробелом в законодательстве нарушает требование правовой определённости... Однако этого не произошло в настоящем деле. Грузинское законодательство предусматривало определённое основание для предварительного заключения заявителя и само ограничивало его срок. Следует признать, что в трёх постановлениях Суд отмечал, что если национальный суд не определяет срок предварительного заключения, то это влечёт за собой неопределённость даже в том случае, если его максимальный срок явно следует из национального права... Однако указанные решения должны толковаться с учётом их контекста. Во всех трёх делах национальные суды также не привели даже минимально убедительных мотивов избрания предварительного заключения. Они схожи с несколькими делами, в которых Суд установил нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции ввиду совокупности отсутствия мотивов избрания предварительного заключения и определения его срока... Таким образом, эти решения не должны толковаться как закрепляющие в пункте 1 статьи 5 требо-

вание определять срок предварительного заключения в решениях национальных судов вне зависимости от того, каким образом данный вопрос урегулирован в национальном праве. Всё, чего требует данное положение, это наличие норм, предсказуемых в применении.

200. В соответствии с пунктом 2 статьи 205 Уголовно-процессуального кодекса Грузии заявителю не могло быть избрано заключение на срок более чем девять месяцев в связи с предъявленными ему обвинениями... Соответственно, невозможно сделать вывод о существовании неопределённости норм, регулирующих его предварительное заключение, или же риска того, что оно будет продолжаться неопределённый срок.

201. В любом случае, он был осуждён 17 февраля 2014 года — через восемь месяцев и двадцать семь дней после задержания...

<...>

206. Более того, указанные... судом мотивы демонстрируют, что предварительное заключение заявителя действительно преследовало цель, согласующуюся с подпунктом (с) пункта 1 статьи 5 Конвенции. Этого достаточно для того, чтобы соответствовать данному положению. <...>

По поводу предполагаемого нарушения пункта 3 статьи 5 Конвенции Европейский Суд указал следующее.

(a) *Рассматриваемый период*

221. Рассматриваемый период начался 21 мая 2013 года, когда заявитель был задержан, и закончился 17 февраля 2014 года, когда он был осуждён судом первой инстанции. Следовательно, он длился восемь месяцев и двадцать семь дней.

(b) *Обоснованность этого периода*

(i) *Общие принципы*

222. Наличие обоснованного подозрения в том, что задержанное лицо совершило правонарушение, является условием *sine qua non* правомерности продления его или её заключения. Однако, когда национальные суды впервые принимают решение... об избрании... предварительного заключения, такого подозрения уже недостаточно, и власти должны также привести другие релевантные и достаточные основания... Таковыми... основаниями могут являться

риск побега, риск оказания давления на свидетелей или уничтожения доказательств, риск сговора, риск совершения повторного правонарушения, риск нарушения общественного порядка и связанная с ним необходимость обеспечить защиту самого заключённого... Наличие этих рисков должно быть надлежаще обосновано, и указанные властями мотивы не могут являться абстрактными, общими или стереотипными...

223. В частности, риск побега не может устанавливаться лишь на основании суровости возможного наказания; его наличие должно оцениваться с учётом ряда иных факторов, таких как личность, моральные качества, активы, связь с соответствующей юрисдикцией и международные контакты обвиняемого... Более того, последнее предложение пункта 3 статьи 5 свидетельствует о том, что, когда единственным оставшимся основанием заключения является страх того, что обвиняемый скроется и, таким образом, избежит суда, он или она должны быть отпущены на время процесса, если возможно получить гарантии присутствия...

224. Аналогичным образом, риск оказания давления на свидетелей не может быть обусловлен только лишь вероятностью назначения сурового наказания, но должен быть основан на конкретных фактах...

<...>

(ii) Применение этих принципов

(а) Первоначальное избрание заявителем предварительного заключения

226. Мотивы, указанные... в решении об избрании заявителю предварительного заключения — риск его побега и оказания им давления на свидетелей... являлись релевантными. Вопрос заключается в том, являлись ли они также достаточными.

227. Кутаисский городской суд не привёл все аргументы обвинения в этой части, особенно в отношении риска побега. Он, однако, напрямую сослался на выступление стороны обвинения. Поступив так, он определённо продемонстрировал, что принял во внимание конкретные доводы, выдвинутые обвинением, и нашёл их достаточными для обоснования избрания... предварительного заключения. Тогда как большая детализация мотивов была бы желанной, Суд полагает, что с учётом изложенных обстоятельств была приведена достаточная мо-

тивировка и он может оценить эти конкретные доводы. <...> ...Какой-либо единый стандарт мотивированности решений отсутствует, и ничто не мешает национальным судебным органам одобрить или включить посредством отсылки конкретные доводы, заявленные властями, ходатайствующими об избрании предварительного заключения...

228. Риск оказания заявителем давления на свидетелей не был достаточно обоснован. Действительно, многие свидетели по делу являлись его бывшими подчинёнными, и он обладал значительным влиянием в определённых кругах грузинского общества... Однако процесс начался за пять месяцев до его задержания, и никем не утверждалось, что в этот период заявитель пытался оказать давление на кого-либо из свидетелей... Единственный конкретный случай, приведённый в поддержку этого утверждения, — предполагаемая попытка заявителя запугать главу Пограничной полиции 30 ноября 2012 года... [предположительно] произошёл до того, как дело было возбуждено, и не имел никакого отношения к обвинениям, в связи с которыми заявителю было избрано предварительное заключение.

229. Риск побега был обоснован более детально. Обвинение ссылалось в целом на широкую сеть международных контактов заявителя и его многочисленные поездки за рубеж. [Обвинение] также указывало на то, что его жена покинула Грузию сразу после его вызова на допрос 21 мая 2013 года, что при обыске его квартиры была обнаружена значительная сумма наличных денег, которую он мог подготовить для того, чтобы облегчить свой выезд за пределы Грузии, и что у него всё ещё имелся поддельный паспорт... Данные факты, усиливающие суровостью наказания, которое было бы назначено заявителю в случае его осуждения, предполагают, что в то время — сразу после того, как ему было предъявлено обвинение, — риск его побега мог рассматриваться как достаточно реальный и оправдывающий отказ от избрания менее ограничительной меры.

<...>

(в) Сохраняющаяся обоснованность предварительного заключения заявителя

231. Впервые предварительное заключение заявителя было оспорено 25 сентября 2013 года — через четыре месяца после его

начала. В своих процессуальных документах... представитель заявителя и сторона обвинения, в сущности, перефразировали ранее заявленные аргументы о риске побега и риске оказания давления на свидетелей... Единственные новые доводы стороны обвинения, по-видимому, заключались в том, что заявитель мог располагать другими невыявленными паспортами, притом что аналогичные паспорта ранее уже использовались другими бывшими государственными служащими для побега за рубеж, и что риск оказания давления на свидетелей сохранялся, поскольку свидетели, хотя и опрошенные ранее, всё ещё должны были дать показания в судебном заседании... Со стороны заявителя единственный новый аргумент, по всей видимости, заключался в том, что расследование уже было окончено...

232. Все эти аргументы имели отношение к сохраняющейся обоснованности предварительного заключения... Даже если многие из них были идентичными тем, которые заявлялись четырьмя месяцами ранее, все они требовали новой оценки, поскольку по своей природе мотивы, изначально положенные в основу избрания предварительного заключения, могут со временем изменяться...

233. Однако Кутаисский городской суд никак не рассмотрел ни один из этих доводов... Не указав никаких мотивов в решении от 25 сентября 2013 года, он не разъяснил, почему нашёл убедительными доводы стороны обвинения и почему он пришёл к выводу о том, что они превалировали над аргументами заявителя. <...>

234. В последующем решении от 7 октября 2013 года Кутаисский городской суд лишь отметил, что заявитель не привёл каких-либо новых фактов или доказательств, а только ссылался на мотивы, указанные в первоначальном решении об избрании предварительного заключения... Он, следовательно, полностью проигнорировал прошедший период времени и прямо указал, что заявитель должен был продемонстрировать, что его заключение более не являлось обоснованным. Однако в соответствии с пунктом 3 статьи 5 Конвенции на государственных органы, а не на заявителя возлагается обязанность по доказыванию сохранения мотивов, оправдывающих продление предварительного заключения... ..Даже если такие мотивы существовали тогда, когда заключение было избрано впервые, они могут в силу сво-

ей природы изменяться с течением времени. <...>

235. ...По меньшей мере начиная с 25 сентября 2013 года и далее предварительное заключение заявителя более не имело достаточных оснований...

По поводу предполагаемого нарушения статьи 18 Конвенции в сочетании с пунктом 1 статьи 5 Конвенции Европейский Суд указал следующее.

(a) *Толкование и применение статьи 18 Конвенции в практике бывшей Комиссии и Суда*

<...>

(i) *Бывшая Комиссия*

265. Бывшая Комиссия... впервые детально рассмотрела жалобу на нарушение этой статьи в деле *Камма (Kamta) против Нидерландов*... <...> Комиссия сформулировала две позиции, которые Суд впоследствии подтвердил...: (a) несмотря на то что статья 18 не может изменяться сама по себе, она может быть нарушена даже тогда, когда отсутствует нарушение той статьи, в совокупности с которой она применяется, и (b) она может быть нарушена только в случае, если конвенционное право, в которое было осуществлено вмешательство, может быть ограничено, то есть является относительным, а не абсолютным. <...>

266. В последующих делах Комиссия рассматривала такие жалобы в более суммарном порядке, отклоняя их по причине явной необоснованности или отсутствия доказательств на стадии рассмотрения по существу...

267. Статья 18 было уделено большее внимание в некоторых докладах Комиссии. Например, в деле *Энгель (Engel) и другие против Нидерландов*... Комиссия указала, что: (a) выбор дисциплинарного разбирательства, в отличие уголовного процесса, не затрагивал статью 18, поскольку он не ограничивал права заявителя, определённые в Конвенции, и (b) наличие законной цели вмешательства означало невозможность установления какой-либо скрытой цели в нарушение статьи 18. В деле *Газеты Таймс Лтд (Times Newspapers Ltd) и другие против Соединённого Королевства*... отвечая на довод о том, что побочный эффект вмешательства может привести к нарушению статьи 18, Комиссия указала на отсутствие доказательств того, что власти пре-

следовали какую-либо иную цель, отличную от заявленной и уже признанную законной.

(ii) *Решения Суда до 2004 года*

268. До 2004 года Суд не находил отдельного нарушения статьи 18 и не приводил более чем кратких мотивов своих выводов по данной статье. Во всех делах, которые он рассмотрел по существу и в которых была заявлена жалоба о нарушении статьи 18, Суд либо приходил к выводу об отсутствии необходимости рассматривать жалобу или отклонял её суммарно со ссылкой на свои выводы относительно материальных статей, в совокупности с которыми заявлялось нарушение статьи 18...

<...>

(iii) *Решения Суда после 2004 года*

270. Первым делом, в котором Суд детально рассмотрел жалобу на нарушение статьи 18... было дело *Гусинский (Gusinskiy) против России*... <...>

271. В постановлении по этому делу Суд подтвердил две позиции по статье 18, ранее указанные только в решениях и докладах Комиссии и решениях Суда о приемлемости... <...>

272. Суд, однако, не разъяснил два других важных аспекта. Во-первых, он не указал, какие доказательства требуются для подтверждения того, что ограничение [права] было применено для достижения скрытой цели. В деле *Гусинский (Gusinskiy) против России* прямыми доказательствами являлись письменное соглашение, утверждённое федеральным министром, которое ставило отказ от обвинений против господина Гусинского в зависимость от продажи им своей компании, а также ссылка на это соглашение в решении о прекращении уголовного дела... Во-вторых, в постановлении не была с определённостью разъяснена позиция по вопросу о том, как необходимо квалифицировать ситуацию, в которой... присутствует множество целей, то есть ограничение преследует как цель, предусмотренную Конвенцией, так и скрытую цель; Суд всего лишь указал, что, поскольку право господина Гусинского на свободу было ограничено не только для достижения цели, предусмотренной подпунктом (с) пункта 1 статьи 5 Конвенции, но также и для достижения иных целей, статья 18 была нарушена...

<...>

274. В деле *Чеботарь (Cebotari) против Молдовы*... [Суд] установил, что главе государственной компании было избрано предварительное заключение по сфальсифицированным обвинениям для того, чтобы оказать на него давление с целью помешать связанной с ним частной компании поддерживать свою жалобу в Суд. Суд основывал свой вывод на том факте, что материалы дела не могли позволить объективному наблюдателю обоснованно заключить, что господин Чеботарь мог совершить правонарушение, в связи с которым ему было избрано заключение, хотя он также принял во внимание контекст дела...

275. Следующим делом, в котором Суд детально рассмотрел жалобу на нарушение статьи 18, было дело *Ходорковский (Khodorkovskiy) против России*... Господин Ходорковский... жаловался на то, что истинной целью уголовного дела против него и избранного ему предварительного заключения являлось устранение его с политической сцены и создание для государства возможности присвоить активы его компании — ОАО «ЮКОС»... <...> [Суд] начал с общей презумпции о том, что власти Высоких Договаривающихся Государств действовали добросовестно, и указал, что она могла быть опровергнута только в случае, если заявители «убедительно продемонстрировали», что действительной целью властей явля[лась] не та, которая была заявлена (или которая [могла] быть разумно выведена из контекста)»... В отношении таких утверждений Суд «применял очень высокий стандарт доказывания», и бремя доказывания оставалось на заявителе в течение всего процесса... Суд затем установил, что восприятие властями господина Ходорковского в качестве серьёзного политического оппонента и преимущества, полученные государственной компанией в результате ликвидации ОАО «ЮКОС», являлись недостаточными для установления нарушения статьи 18, поскольку уголовное преследование любого столь заметного лица будет благоприятствовать его оппонентам и поскольку обвинения против господина Ходорковского являлись подлинными... Другие мнения — политических институтов, неправительственных организаций или общественных фигур — относительно политической мотивированности дела против него не являлись доказательствами в юридическом смысле. Выводы отказавших в экстрадиции его коллег в Россию судов, а так-

же судов, отказавших в правовой помощи, вынесших судебные запреты или решения против российских властей в связанных с ОАО «ЮКОС» делах, хотя представляли собой сильный аргумент, не являлись достаточными, поскольку представленные в тех судах доказательства и аргументы могли отличаться от тех, которые были представлены в Суде, и поскольку, в любом случае, стандарт доказывания, применяемый Судом в делах о нарушении статьи 18, являлся очень высоким и мог отличаться от того, который применялся на национальном уровне. Утверждение о том, что власти действовали недобросовестно в ходе всего уголовного процесса, требовало «неопровержимых и прямых доказательств», которые... отсутствовали...

276. В связанном [с делом *Ходорковский (Khodorkovskiy) против России*] деле *ОАО «Нефтяная компания "ЮКОС"» (OAO Nefteyanaya Kompaniya Yukos) против России*... касавшемся... налогового разбирательства, приведшего к ликвидации ОАО «ЮКОС», Суд также не установил нарушения статьи 18. Он вновь отметил, что такой вывод мог быть основан только на «неопровержимых и прямых доказательствах», представленных заявителем... Со ссылкой на свои выводы по материальным жалобам ОАО «ЮКОС» [Суд] заключил, что власти действовали с законной целью противостояния уклонению от налогов, и компания-заявителю надлежало продемонстрировать, что в ходе этого они преследовали неправомерную цель... Как и в деле *Ходорковский (Khodorkovskiy) против России*, Суд указал, что мнения других лиц о политической мотивированности дела против ОАО «ЮКОС» обладали незначительной доказательной ценностью для целей статьи 18. Поскольку доказательства об иных нарушениях в ходе налогового разбирательства не были представлены, он не смог прийти к выводу о том, что власти злоупотребили полномочиями с целью ликвидации ОАО «ЮКОС» и получения контроля над его активами...

277. В течение двух следующих лет Суд рассматривал жалобы на нарушение статьи 18 в делах *Луценко (Lutsenko) против Украины*... и *Тимошенко (Tymoshenko) против Украины*... [Суд] не согласился с утверждениями о том, что уголовные дела против заявителей, бывших государственных министров и лидеров оппозиционных политических партий, в целом преследовали политические цели. Вме-

сто этого он сосредоточился на конкретных аспектах данных процессов... В деле *Луценко (Lutsenko) против Украины* это были приведённые в ходатайстве следователя об избрании предварительного заключения доводы о том, что путём общения со СМИ [заявитель] пытался исказить общественное мнение, дискредитировать органы уголовного преследования и повлиять на предстоявший судебный процесс. ...Это означало, что заключение преследовало не предусмотренную подпунктом (с) пункта 1 статьи 5 цель — наказать господина Луценко за публичное опровержение предъявленных ему обвинений... В деле *Тимошенко (Tymoshenko) против Украины* это было содержащееся в ходатайстве прокуратуры об избрании... предварительного заключения и соответствующем постановлении суда утверждение о том, что цель [предварительного заключения] заключалась в наказании [заявительницы] за проявление неуважения к суду и предполагаемое obstructive поведение в ходе слушаний...

278. В обоих делах Суд — вновь подтверждая... возложение на заявителя бремени доказывания, как это было установлено в деле *Ходорковский (Khodorkovskiy) против России*... однако не указанное там же требование о наличии «прямых и неопровержимых доказательств»... — основывал свои выводы о нарушении статьи 18 на прямых письменных доказательствах скрытой цели, как он делал это в деле *Гусинский (Gusinskiy) против России*... <...>

279. В деле *Ходорковский (Khodorkovskiy) и Лебедев (Lebedev) против России*... которое касалось последующей стадии того же уголовного процесса, что и дело *Ходорковский (Khodorkovskiy) против России*... Суд подтвердил свой подход к доказательствам, сформулированный в предшествующем деле. Он не согласился с предположением заявителей о том, что, если они представляют контекстуальные доказательства скрытой цели, бремя доказывания обратного должно перейти к правительству-ответчику... Он не согласился и с тем, что уголовное дело против заявителей преследовало скрытую цель — с утверждением, которое Суд охарактеризовал как «широкое» и которое контрастировало с утверждениями относительно конкретных эпизодов в этом процессе. Даже если бы за этим делом и стояло смешанное намерение, скрытая цель не являлась основной или решающей, поскольку

дело касалось серьёзных обвинений в совершении преступлений, не связанных с политической деятельностью заявителей, и имело «здоровый центр»...

280. Совсем недавно в деле *Чанкотадзе (Tchankotadze) против Грузии*... Суд установил, что публичные угрозы заявителю, высокопоставленному государственному служащему, тем, что он будет «брошен в тюрьму», со стороны господина Саакашвили, в то время кандидата в президенты, который был впоследствии избран на эту должность, являлись недостаточными для установления скрытых мотивов его уголовного преследования и связанного с ним предварительного заключения в отсутствие доказательств того, что обвинение или суд сами руководствовались политическими мотивами.

281. В двух других недавних делах, *Ильгар Маммадов (Ilgar Mammadov) против Азербайджана* и *Расул Джафаров (Rasul Jafarov) против Азербайджана*... Суд, вновь подчёркивая... возлагаемое на заявителя бремя доказывания... но не требование о представлении «прямых и неопровержимых доказательств»... установил нарушение статьи 18 Конвенции на основании контекстуальных доказательств скрытой цели. <...> В обоих делах Суд проанализировал фактические и юридические аспекты обвинений и установил, что заключение не было основано на обоснованном подозрении, что нарушило пункт 1 статьи 5... Этого не было достаточно для того, чтобы установить нарушение статьи 18, однако доказательства скрытой цели — заставить замолчать или наказать заявителя за критику властей и распространение сведений, которые они пытались скрыть, в первом деле и за его правозащитную деятельность во втором деле — были основаны на сопоставлении отсутствия подозрения в совершении преступления с контекстуальными факторами. В первом деле они выражались в хронологической связи между записями в блоге заявителя, публичными заявлениями властей, осуждавшими их, предъявленными обвинениями и задержанием... Во втором деле они заключались в необычайно строгом регулировании неправительственных организаций и их финансирования в Азербайджане, заявлениях государственных служащих и проправительственных СМИ о том, что такие активисты, как заявитель, представляли собой «пятую колонну», и одновременном задержании других таких активистов...

(b) *Необходимость уточнения правовых позиций*

282. Приведённое выше обобщение практики по статье 18 Конвенции демонстрирует, что в относительно немногих делах, в которых Суд ранее относительно подробно рассматривал жалобы на нарушение этого положения, он... начинал с общей презумпции, согласно которой власти Высоких Договаривающихся Государств действовали добросовестно, добавляя, что эта презумпция может быть опровергнута только в случае, если заявитель убедительно продемонстрирует, что цель, с которой указанные власти ограничили его или её права, закреплённые в Конвенции или Протоколах к ней, в действительности не соответствовала заявленной ими и допустимой в соответствии с Конвенцией. Другими словами, внимание Суда в таких делах было сосредоточено на вопросе доказывания недобросовестности в этом отношении.

283. Однако в той мере, в которой положение статьи 18 («не должны применяться для иных целей, нежели те...») подчёркивает исчерпывающую полноту целей, для достижения которых конвенционные права могут быть ограничены, это положение, по-видимому, позволяет давать более объективную оценку наличию или отсутствию скрытой цели и, соответственно, злоупотребления полномочиями... Более того, подход, который сосредоточен всего лишь на доказывании недобросовестности, не согласуется с тем, который применяется Судом в отношении положений об ограничениях в Конвенции, которые статья 18 должна дополнять. <...> Более того, хотя «недобросовестность» и «скрытая цель» являются взаимосвязанными понятиями, они необязательно эквивалентны в каждом деле.

284. Кроме того, в делах о нарушении статьи 18 подход Суда не был полностью последователен, поскольку в некоторых... последних постановлениях он настаивал на «прямых и неопровержимых доказательствах» наличия скрытой цели...

285. ...Наиболее важным является то, что из данного обобщения судебной практики следует, что Суд до настоящего момента не отграничивал вопрос о том, как должно устанавливаться наличие скрытой цели, от вопроса о том, как ограничение, преследующее несколько целей, должно анализироваться в контексте статьи 18 Конвенции.

<...>

(с) *Толкование и применение статьи 18 Конвенции*

287. ...Статья 18 Конвенции не применяется независимо... она может толковаться и применяться только в совокупности со статьёй Конвенции или Протокола к ней, которая закрепляет или уточняет те права и свободы, которые Высокие Договаривающиеся Государства обязались обеспечивать каждому находящемуся под их юрисдикцией... <...>

288. <...> [Статья 18] также прямо запрещает Высоким Договаривающимся Государствам ограничивать права и свободы, установленные в Конвенции, для достижения не предусмотренных в самой Конвенции целей, и в этой части она является автономной... Таким образом... нарушение статьи 18 может иметь место даже при отсутствии нарушения той статьи, в совокупности с которой она применяется...

<...>

290. Из формулировки статьи 18 также следует, что нарушение может возникнуть, только если соответствующее право или свобода могут ограничиваться в случаях, предусмотренных Конвенцией...

291. Сам по себе факт того, что ограничение конвенционного права не соответствует всем требованиям того положения, которое его допускает, необязательно означает, что может встать вопрос о нарушении статьи 18. Самостоятельное рассмотрение жалобы на нарушение этой статьи является обоснованным, только если утверждение о том, что ограничение было применено для достижения цели, не предусмотренной Конвенцией, является центральным аспектом дела...

(i) *Множественность целей*

292. Право или свобода иногда ограничивается исключительно для достижения цели, не предусмотренной Конвенцией. Однако также возможна и ситуация, когда ограничение вводится для достижения как скрытой цели, так и цели, предусмотренной Конвенцией; другими словами, оно преследует множественность целей. В такой ситуации вопрос заключается в том, неизбежно ли предусмотренная [Конвенцией] цель исключает скрытую цель, противоречит ли само наличие скрытой цели статье 18 или, [возможно], есть какой-то промежуточный ответ.

293. При рассмотрении этого аспекта Суд начнёт с оценки формулировки статьи 18 и её места в общей структуре Конвенции. ...Она дополняет положения, которые предусматривают ограничения прав и свобод, закреплённых в Конвенции. Её формулировка («не должны применяться для иных целей, нежели те») тесно совпадает с формулировкой указанных положений (например, второго предложения пункта 1 статьи 5: «иначе как в следующих случаях»; пункта 2 статьи 8: «Не допускается вмешательство... за исключением случаев, когда такое вмешательство... необходимо... в интересах»; пункта 2 статьи 9: «подлежит лишь тем ограничениям, которые... необходимы... в интересах»; и пункта 2 статьи 11: «не подлежит никаким ограничениям... кроме тех, которые... необходимы... в интересах»). Поскольку Конвенция должна толковаться так, чтобы развивать гармонию между её положениями... и поскольку её различные положения, использующие одинаковые термины, должны обычно пониматься как подразумевающие одно и то же понятие... при толковании статьи 18 Суд должен, следовательно, учитывать свой обычный подход к указанным положениям об ограничениях.

294. Перечни законных целей, для достижения которых статьи с 8 по 11 Конвенции предусматривают возможность вмешательства в права, гарантированные ими, являются исчерпывающими...

295. Однако в делах, касающихся этих положений, так же как и касающихся статей 1, 2 и 3 Протокола № 1 или пунктов 3 и 4 статьи 2 Протокола № 4, правительствам-ответчикам, как правило, необходимо лишь убедить Суд в том, что вмешательство преследовало законную цель, даже если заявители приводят веские аргументы в пользу того, что оно в самом деле преследовало скрытую цель...

296. Крайне немногочисленны и редко встречаются дела, в которых Суд высказывал сомнения относительно заявленной цели без принятия решения по этому вопросу... оставлял этот вопрос открытым... или отклонял одну или более из заявленных целей... Дела, в которых он нашёл нарушение соответствующей статьи только лишь ввиду отсутствия законной цели, встречаются ещё реже...

297. Суд действительно сам признаёт, что в большинстве дел он рассматривает этот вопрос суммарно... Даже когда он исключает некоторые из заявленных целей, если он соглашается

с тем, что вмешательство преследует как минимум одну из них, он не углубляется далее в этот вопрос и переходит к оценке того, было ли вмешательство необходимым в демократическом обществе для достижения этой цели...

298. Перечень ситуаций, в которых пункт 1 статьи 5 Конвенции допускает лишение свободы, также является исчерпывающим... за исключением случаев, когда оно применяется в контексте международного вооружённого конфликта к заключению военнопленных и гражданских лиц, которые представляют угрозу безопасности... Если конкретный случай лишения свободы не соответствует какому-либо из подпунктов данного положения, как они толкуются Судом, он не может быть подогнан ссылкой на необходимость балансирования интересов государства и заключённого...

299. Хотя только подпункты (с) и (d) отсылают к «цели» тех видов лишения свободы, на которые они распространяются, из формулировки и общей структуры пункта 1 статьи 5 явно следует, что это требование подразумевается во всех подпунктах. <...>

300. Более того, в таких делах, если Суд соглашается с тем, что заключение преследовало цель, предусмотренную одним из подпунктов, он обычно останавливается на этом, не проверяя, преследовало ли оно также другую цель... Также одного единственного подпункта достаточно для того, чтобы признать законность заключения...

301. С другой стороны, если имеет место какое-либо явное нарушение, которое при рассмотрении его в контексте свидетельствует о том, что лишение свободы преследовало преимущественно скрытую цель: заявители задержаны на основании неопределённых или сфальсифицированных обвинений для воспрепятствования или наказания их за участие в митингах...; или власти манипулируют процессом для продления заключения с этой же целью... или для отсрочки в получении судебного разрешения на заключение, как это требуется в соответствии с национальным правом... или для осуществления тайной экстрадиции...; или заявитель незаконно похищен и передан другому государству...; или граждане другого государства задерживаются без различия для цели их массовой депортации в качестве репрессалии... — Суд приходит к выводу об отсутствии законного основания лишения свободы и, соответственно, о нарушении пункта 1 статьи 5.

302. Данный обзор демонстрирует, что, хотя законные цели и основания, предусмотренные в положениях об ограничениях в Конвенции, являются исчерпывающими, они определены широко и толкуются с определённой гибкостью. Действительный фокус внимания Суда, скорее, направлен на вытекающий из этого и тесно с этим связанный вопрос: является ли ограничение необходимым или оправданным, то есть обусловленным релевантными и достаточными причинами, и пропорциональным преследуемым целям или основаниям... Указанные цели и основания являются ориентирами, по которым измеряются необходимость или обоснованность [ограничения]...

303. Такой характер процесса должен направлять подход Суда к толкованию и применению статьи 18 Конвенции в случаях, в которых ограничение преследует более чем одну цель. Некоторые из этих целей могут быть подведены под соответствующее положение об ограничениях, тогда как другие — нет. В таких случаях всего лишь наличие цели, которая не подпадает под соответствующее положение об ограничениях, не может само по себе влечь нарушение статьи 18. Существует значительная разница между делами, в которых предусмотренная цель являлась той, которая в действительности двигала властями, пусть даже они и намеревались получить какое-либо иное преимущество, и делами, в которых предусмотренная цель, хотя и присутствовавшая, фактически являлась всего лишь прикрытием, позволяющим властям достигнуть другой цели, находящейся в центре их усилий. Вывод о том, что наличие какой-либо иной цели само по себе противоречит статье 18, не будет в должной мере учитывать данное фундаментальное различие и не будет согласовываться с объектом и целью статьи 18, заключающимися в запрещении злоупотребления полномочиями. Действительно, это может означать, что каждый раз, когда Суд исключает цель или основание, заявленное правительством в контексте материального положения Конвенции, он должен установить нарушение статьи 18, поскольку заявления правительства будут служить доказательством того, что власти преследовали не только ту цель, которую Суд признал в качестве законной, но также и иную.

304. По этой же причине вывод о том, что ограничение преследует цель, предусмотренную Конвенцией, также с необходимостью не

исключает нарушение статьи 18. Действительно, вывод об обратном лишил бы данное положение автономного характера.

305. Таким образом, Суд приходит к выводу о том, что ограничение может соответствовать материальному положению Конвенции, предусматривающему такое ограничение, поскольку оно преследует разрешённую Конвенцией цель, однако нарушает статью 18, поскольку оно было преимущественно направлено на достижение другой цели, которая не предусмотрена Конвенцией; другими словами, если эта другая цель является преобладающей. Напротив, если предусмотренная цель являлась основной, ограничение не противоречит статье 18, даже если оно также преследует другую цель.

<...>

307. То, какая цель является преобладающей в конкретном деле, зависит от всех его обстоятельств. При оценке этого вопроса Суд будет исходить из характера и степени предсудительности предполагаемой скрытой цели и учитывать, что Конвенция была создана для поддержания и развития идеалов и ценностей демократического общества, руководимого верховенством права.

308. В случае длящихся ситуаций нельзя исключать, что оценка преобладающей цели может изменяться с течением времени.

(ii) Вопросы доказывания

309. ...Говоря о более высоком стандарте доказывания в контексте статьи 18, Суд имел в виду, что цель, предусмотренная Конвенцией, должна неизбежно являться прикрытием для скрытой [цели]. Однако, если два данных аспекта могут быть с определённой разграничены, вопрос доказывания заключается всего лишь в том, как возможно установить наличие скрытой цели и являлась ли она преобладающей.

310. При этом Суд находит, что он может и должен придерживаться своего обычного подхода к доказыванию, а не специальных правил...

311. Первый аспект данного подхода, впервые указанный в деле *Ирландия против Соединённого Королевства*... после чего недавно подтверждённый в деле *Кипр против Турции*... и в деле *Грузия против России (I)*... заключается в том, что, по общему правилу, бремя доказывания не несёт никакая-либо из

сторон, поскольку Суд исследует все имеющиеся в его распоряжении материалы вне зависимости от их происхождения и поскольку он может в случае необходимости получить материалы по собственной инициативе. Ещё в деле *Артико (Artico) против Италии*... Суд заявил, что это является общей позицией не только по отношению к межгосударственным делам, но также к делам, имеющим в своей основе индивидуальные жалобы. [Суд] ссылался на концепцию бремени доказывания в определённых контекстах. В ряде случаев он признавал, что строгое применение принципа *affirmanti incumbit probatio*, то есть возложения бремени доказывания обвинения на заявляющую об этом его сторону, является невозможным, особенно в обстоятельствах, в которых это сопряжено с конкретными трудностями со сбором доказательств для заявителей...

312. Действительно, хотя он и полагается на доказательства, которые стороны представляют сами, Суд регулярно по своей собственной инициативе просит заявителей или правительства-ответчиков предоставить материалы, которые могут подтвердить или опровергнуть рассматриваемые им утверждения. Если соответствующее правительство-ответчик не принимает во внимание такую просьбу, Суд не может заставить его исполнить её, однако может, в случае если оно не объясняет должным образом свою неспособность или отказ, сделать определённые предположения... Пункт 1 статьи 44С Регламента Суда наделяет его значительной дискрецией в этом вопросе.

313. Имеющаяся у Суда возможность сделать предположения, исходя из поведения государства-ответчика в ходе процесса, является особенно значимой в ситуациях, касающихся, к примеру, лиц, содержащихся в заключении властями, когда только у государства-ответчика есть доступ к сведениям, способным подтвердить или опровергнуть утверждения заявителя... Эта возможность, вероятно, будет иметь особенную значимость в отношении утверждений о существовании скрытой цели.

314. Второй аспект... заключается в том, что применяемым [Судом] стандартом доказывания является «при отсутствии обоснованного сомнения». Этот стандарт, однако, не идентичен тому, который используется в национальных правовых системах, применяющих его. Во-первых, доказывание может основываться на совместном существовании доста-

точно сильных, чётких и последовательных предположений или аналогичных неопровергнутых презумпций фактов. Во-вторых, степень убеждённости, требуемая для того, чтобы принять решение, неотъемлемо связана с конкретностью фактов, характером сделанных утверждений и рассматриваемым конвенционным правом. <...>

315. Третий аспект... также сформулированный ещё в деле *Ирландия против Соединённого Королевства*... заключается в том, что Суд свободен в оценке не только приемлемости и относимости, но также и доказательной силы каждого рассматриваемого доказательства. В деле *Начова (Nachova) и другие против Болгарии*... Суд дополнительно прояснил этот аспект, отметив, что при оценке доказательств он не связан [конкретными] формулами и приходит к тому выводу, который подтверждается свободной оценкой всех доказательств, в том числе такими предположениями, которые могут быть сделаны на основе фактов и доводов сторон. Он также отметил, что внимательно относится к любым трудностям со сбором доказательств, с которыми сталкивается сторона. <...>

316. Таким образом, у Суда отсутствуют причины ограничиваться только прямыми доказательствами при рассмотрении жалоб на нарушение статьи 18 Конвенции или применять конкретный стандарт доказывания к таким жалобам.

317. Однако необходимо подчеркнуть, что косвенные доказательства в этом контексте означают сведения об основных фактах, контекстуальных фактах или последовательности событий, которые могут лечь в основу выводов относительно основных фактов... Доклады или заявления международных наблюдателей, негосударственных организаций или средств массовой информации или решения других национальных или международных судов часто принимаются во внимание, чтобы, в частности, прояснить факты или подтвердить сделанные Судом выводы...

(d) Применение указанного подхода

318. Суд уже установил, что задержание и предварительное заключение заявителя преследовали цель, предусмотренную подпунктом (с) пункта 1 статьи 5 Конвенции... <...> Из этого следует, что, даже если будет установлено, что ограничение его права на личную

свободу также преследовало цель, не предусмотренную подпунктом (с) пункта 1 статьи 5, нарушение статьи 18 будет иметь место только в случае, если эта другая цель являлась преобладающей.

<...>

(i) Утверждение о том, что задержание и предварительное заключение заявителя были направлены на устранение его с политической сцены

320. Принимая во внимание ситуацию в Грузии в период с 2012 по 2014 год, время задержания и предварительного заключения заявителя и характер вменяемых ему правонарушений, вполне понятно, что существовали определённые подозрения в том, что обвинения имели под собой политический мотив, даже если обвинения сами по себе не были напрямую политическими. Действительно, когда доходит до утверждений о наличии скрытых мотивов уголовного преследования, предварительное заключение тяжело отделить от уголовного процесса... Однако как таковое право не подвергаться уголовному преследованию отсутствует в Конвенции. Суд, таким образом, в основном рассматривает цель, которую преследовало предварительное заключение, избранное Кутаисским городским судом 22 мая 2013 года и продлённое 25 сентября и 7 октября 2013 года.

321. Суд должен, следовательно, оценить, являются ли факторы, демонстрирующие, согласно заявителю, что заключение было главным образом направлено на устранение его с политической сцены в Грузии, достаточными при их отдельном или совместном рассмотрении, чтобы это доказать.

322. Факторы, проистекающие из общего политического контекста, в котором уголовное дело было возбуждено против заявителя, не являются достаточными доказательствами в этом отношении.

323. И хотя уголовное преследование нескольких бывших министров и других высокопоставленных представителей ЕНД могло свидетельствовать о намерении уничтожить или нанести ущерб этой партии, оно в равной степени могло отражать желание противостоять предполагаемым правонарушениям, совершённым в период прежнего правительства, члены которого не могли быть привлечены

к ответственности тогда, когда они занимали свои должности. Сам по себе факт того, что в отношении политика осуществляется уголовное преследование, даже в период избирательной кампании, автоматически не нарушает его или её право баллотироваться на должность. Однако более важным является то, что такое уголовное преследование само по себе не приводит к выводу о том, что суды, рассматривавшие вопрос о применении к заявителю и продлении предварительного заключения, руководствовались такой целью.

324. То же самое относится и к заявлениям об уголовных делах в отношении членов ЕНД, сделанных представителями Правительства «Грузинской мечты»... Такие заявления могут рассматриваться в качестве доказательства скрытой цели у судебного решения в случае, если существуют доказательства, что суды не являлись в достаточной мере независимыми от органов исполнительной власти. Таких доказательств не было представлено в настоящем деле. Напротив, по всей видимости, во многих делах в отношении бывших представителей ЕНД, включая дело в отношении обвиняемого заявителя, господина З. Т., суды отказали в ходатайствах прокуратуры об избрании предварительного заключения, и начиная с сентября 2013 года четырнадцать из тридцати четырёх бывших высокопоставленных представителей ЕНД, которым было предъявлено обвинение в совершении преступлений, находились в предварительном заключении, а ещё четырнадцать были отпущены под залог... <...>

325. Характер уголовного процесса в отношении заявителя равным образом не свидетельствует и о преимущественно политической цели его предварительного заключения.

326. Значительное количество свидетелей, которых сторона обвинения намеревалась вызвать, не затягивало необоснованным образом судебный процесс и предварительное заключение заявителя. Судебный процесс начался 7 октября 2013 года и завершился осуждением заявителя спустя четыре месяца и одиннадцать дней, 17 февраля 2014 года, непосредственно перед истечением максимального девятимесячного срока, на протяжении которого он мог находиться в предварительном заключении... В таких обстоятельствах это едва ли может считаться необоснованным периодом времени.

327. Заявитель настаивал на том, что проведение процесса в Кутаиси, а не Тбилиси предполагало выбор наиболее подходящего суда стороной обвинения и, таким образом, наличие скрытой цели. Однако, не вдаваясь в вопрос о том, что соответствовало нормам уголовно-процессуального права Грузии — аспект, который не был раскрыт ни одной из сторон в своих соображениях, Суд не убеждён, что в данной ситуации имел место выбор подходящего суда... Во-первых, хотя он и избрал заявителю предварительное заключение, Кутаисский городской суд постановил выпустить под залог его обвиняемого, господина З. Т., который также являлся известным лицом в ЕНД. Во-вторых, 30 мая 2013 года, всего лишь через восемь дней после этого решения, Тбилисский городской суд также избрал заявителю предварительное заключение в отношении самостоятельных обвинений, предъявленных ему 28 мая 2013 года...

328. Действительно... 25 сентября 2013 года Кутаисский городской суд не указал каких-либо мотивов своего решения об отказе в ходатайстве заявителя об освобождении и не исследовал надлежащим образом его последующее ходатайство об освобождении от 7 октября 2013 года... Однако эти недостатки, хотя и не согласующиеся с требованиями пункта 3 статьи 5 Конвенции... сами по себе не являются доказательством политической мотивированности судебных решений.

329. Подводя итог, хотя предварительное заключение заявителя и имело место на фоне ожесточённой политической конкуренции между ЕНД и «Грузинской мечтой», указанные им различные аспекты, которые в определённой степени пересекаются, недостаточны для того, чтобы доказать, что преобладающей целью этого заключения являлось воспрепятствование его участию в политической жизни Грузии, а не обеспечение проведения надлежащего уголовного процесса против него.

330. Действительно, суды во Франции, Греции и Соединённом Королевстве отклонили запросы властей Грузии об экстрадиции двух бывших высокопоставленных представителей ЕНД на основании, среди прочего, того, что уголовные процессы против них были политически мотивированы... Однако... это необязательно предопределяет оценку данного аспекта Судом... Во-первых, фактические обстоятельства дел, рассмотренных указанными судами,

хотя и связаны с настоящим делом ввиду того факта, что указанные дела также касались обвинений, предъявленных известным представителям ЕНД, не были идентичными. Во-вторых, рассматривавшие вопросы об экстрадиции суды, в сущности, оценивали будущий риск, тогда как Суд рассматривает уже произошедшие факты...

<...>

(ii) *Утверждение о том, что в декабре 2013 года власти предприняли попытку использовать предварительное заключение заявителя для оказания на него давления с целью получить от него сведения*

(a) *Может ли данное утверждение рассматриваться как доказанное*

333. Утверждения заявителя о том, что 14 декабря 2013 года его тайно вывели из тюремной камеры, были полностью оспорены правительством. <...> [Суд] осознаёт свою субсидиарную роль и признаёт, что должен действовать с большой осторожностью, принимая на себя роль по первоначальному установлению фактов. Но, сталкиваясь с такими серьёзными обвинениями, как те, которые были сделаны заявителем, в то время находившимся в заключении, [Суд] должен действовать с особенной тщательностью, даже если, как в настоящем деле, были проведены национальные расследования. В ходе этого Суд может учитывать качество этих расследований и любые возможные недостатки в процессе принятия решений...

334. Первый аспект, на который необходимо обратить внимание, заключается в том, что представленная заявителем версия произошедшего, согласно которой он был тайно вывезен из тюрьмы № 9 на встречу с Генеральным прокурором, являлась... детализированной и конкретной и оставалась последовательной на протяжении всего дела... Тот факт, что заявитель сделал эти утверждения только через три дня после указанной встречи, не умаляет их достоверности. <...> Встреча, предположительно, произошла ранним утром в субботу, и заявитель публично заявил о ней на следующем же открытом судебном заседании по его делу...

335. Действительно, прямые доказательства в поддержку его версии отсутствуют. Однако необходимо признать, что заявитель, на-

ходившийся в заключении, едва ли мог предъявить такие доказательства. Некоторые косвенные элементы, однако, подтверждают его утверждения.

336. Во-первых, имеются некоторые доказательства того, что в то время власти оказывали давление на других руководителей ЕНД с целью принуждения их к даче показаний против своих бывших коллег...

337. Во-вторых, двое свидетелей, допрошенных в ходе расследования Генеральной прокуратуры, господин Г. Тс. и господин И. П., заявили, что они несколько раз слышали, как господин Г. Г., который в то время возглавлял силы специального назначения Министерства исполнения наказаний, говорил о том, что он являлся одним из тех, кто доставил заявителя на встречу с Генеральным прокурором... Действительно, поскольку заявления господина Г. Тс. и господина И. П. представляют собой показания с чужих слов, их достоверность может быть поставлена под сомнение ввиду, в частности, подчинённого положения по отношению к заявителю, которое они оба ранее занимали. Однако в случае господина Г. Тс. этот фактор в определённой степени уравновешивался тем, что заявитель уволил его с должности и своими действиями повлёк его заключение... Более того, учитывая, что в декабре 2013 года господину Г. Г. была выплачена необычайно высокая премия, по-видимому, на основании решения другого государственного служащего, предположительно сыгравшего главную роль в событиях 14 декабря 2013 года, господина Д. Д.... заявления господина Г. Тс. и господина И. П. не могут быть сразу же отвергнуты, даже если аналогичные премии были также выплачены другим сотрудникам тюрьмы. Власти, по-видимому, не пытались проверить правдивость данных заявлений, например получив видеозапись предварительного судебного заседания, в ходе которого господин Г. Г., предположительно, дал показания относительно своей роли в событиях 14 декабря 2013 года, или показания третьих лиц относительно местонахождения господина Г. Г. ранним утром 14 декабря 2013 года. Вместо этого они сосредоточили усилия на допросе господина Г. Г., господина И. М. (другого сотрудника сил специального назначения, с которым он, предположительно, действовал в сговоре) и их бывших коллег в силах специального назначения Министерства внутренних дел, с которыми они сидели в одной камере в

тюрьме № 9... Тот факт, что они отрицали своё участие в ходе этих допросов, едва ли вызывает удивление.

338. Наконец, в мае 2014 года госпожа Л. М., старший сотрудник Департамента исполнения наказаний, дважды заявила в интервью СМИ о том, что заявитель был доставлен на встречу с Генеральным прокурором, и вскоре после этого была уволена с занимаемой должности её начальником... который также был напрямую затронут этими утверждениями. И хотя она отказалась от своих заявлений, будучи допрошенной о них в ходе уголовного расследования, она, по-видимому, не представила правдоподобного объяснения этого противоречия...

<...>

340. С другой стороны, некоторые части представленной заявителем версии событий позволяли проверить правдивость его утверждений. Эти аспекты, однако, не были изучены. Например, не была предпринята попытка установить, мог ли заявитель узнать господина Г. Г. или господина И. М., несмотря на то что они оба, по словам господина Г. Тс. и господина И. П., были среди тех, кто перевозил его из тюрьмы № 9 в Департамент исполнения наказаний, и заявитель утверждал, что он бы смог узнать двух мужчин, которые перевозили его... Также, по-видимому, не была предпринята попытка проверить данные с мобильных телефонов господина Г. Г. и господина И. М. и данные с вышек сотовой связи по состоянию на раннее утро 14 декабря 2013 года, несмотря на то что заявитель утверждал, что один из двух мужчин, с которыми он находился в машине, два раза говорил по мобильному телефону...

341. В то же время доказательства, представленные правительством в поддержку утверждения о том, что заявитель никуда не перемещался и не вывозился к Генеральному прокурору, не являются достаточно убедительными.

342. Эти доказательства были получены в ходе проверки, проведённой Следственным отделом Министерства исполнения наказаний, и расследования Генеральной прокуратуры. <...> [Проверка] была проведена на фоне решительных и немедленных опровержений премьер-министром и министром исполнения наказаний утверждений заявителя, и она была проведена сотрудниками этого же Министерства... [Расследование] было начато только после

принятия Палатой постановления по настоящему делу и было напрямую связано с запросом правительства о передаче дела в Большую Палату... Действительно, оно было завершено всего лишь за двадцать пять дней до слушания в Большой Палате, и материалы, полученные в ходе этого расследования, использовались для основания доводов правительства, заявленных в Большой Палате.

343. Кроме этих общих соображений, существуют несколько конкретных аспектов, которые ставят утверждения правительства под сомнение.

344. Самым важным из них является то, что имеются несколько моментов, ставящих под сомнение их утверждение о том, что запись с камер видеонаблюдения в тюрьме № 9 и здании Департамента исполнения наказаний, которая могла бы окончательно подтвердить или опровергнуть утверждения заявителя, была автоматически удалена по прошествии двадцати четырёх часов... Министр исполнения наказаний, по-видимому, не знал об этом, когда выступал с заявлением по делу 18 декабря 2013 года... Заместитель руководителя Следственного отдела Министерства исполнения наказаний также был не осведомлён об этом, когда он запросил запись два дня спустя, 20 декабря 2013 года... Заместитель министра исполнения наказаний, который был ответствен за реформирование системы видеонаблюдения в тюрьмах Грузии... в 2011 году, заявил, что запись хранилась в течение месяца. В самом деле, крайне удивительно, что запись с камер видеонаблюдения в учреждении, настолько склонном к насилию и происшествиям, как тюрьма, хранилась бы в течение меньшего периода времени, чем запись с дорожных камер. В настоящем деле она была всё ещё доступна по прошествии двадцати дней после предполагаемого инцидента...

345. Конкретный метод, использованный при исследовании записи с частных камер наблюдения и дорожных камер, остаётся неизвестным, и эти записи не были предоставлены юристу заявителя, несмотря на его ходатайства...

346. Существенная значимость не может быть придана и показаниям заместителя господина Д. Д., а также показаниям начальника и заместителя начальника тюрьмы № 9 и сотрудников тюрьмы, работавших там... Во-первых, как лица, давшие показания, так и брав-

шие их инспекторы и следователи являлись подчинёнными предполагаемых правонарушителей. Во-вторых, любое признание лица, давшего показания, о своём участии в тайном перемещении заявителя из его камеры могло привести к возникновению вопросов относительно его собственного поведения.

347. То же самое относится и к показаниям бывшего Генерального прокурора, господина О. П., и бывшего руководителя Департамента исполнения наказаний, господина Д. Д.... Они оба имели серьёзный стимул отрицать данные утверждения. Достоверность их заявлений ещё более ослабляется тем фактом, что они не давали показаний до проведения второго расследования в сентябре 2016 года, почти через три года, так как их показания не были взяты в ходе первоначальной проверки.

<...>

349. Суд не может придать какое-либо значение факту отсутствия записей перемещения заявителя из его камеры и тюрьмы № 9 в соответствующих тюремных журналах... Учитывая секретный характер предполагаемой операции, едва ли можно ожидать, что она была бы занесена в какой-либо из указанных журналов...

350. Ввиду изложенных соображений Суд считает, что он может сделать предположения, исходя из доступных материалов и поведения заявителя, и находит утверждения заявителя относительно его тайного перемещения из тюремной камеры достаточно убедительными и, таким образом, доказанными.

(в) Могло ли намерение получить от заявителя сведения рассматриваться в качестве преобладающей цели ограничения его права на свободу

351. Отсутствуют какие-либо доказательства того, что до 14 декабря 2013 года, в течение почти семи месяцев после того, как заявитель был заключён под стражу, власти предпринимали попытки использовать его предварительное заключение как средство заставить его предоставить сведения о смерти господина Жвани или банковских счетах господина Саакашвили. Если ограничение его права на свободу рассматривается, таким образом, как единое целое, едва ли можно считать, что попытка использовать его в качестве средства получения указанных сведений являлась основной целью [заключения]. Но тогда, когда ограни-

чение конвенционного права представляет собой длящуюся ситуацию, чтобы оно не противоречило статье 18, его основная цель должна оставаться одной из тех, которые предусмотрены Конвенцией, в течение всего времени, и нельзя исключить, что первоначальная цель может быть заменена другой по прошествии времени...

352. Существуют несколько аспектов, которые приводят Суд к выводу о том, что так и произошло в настоящем деле. Для начала, к тому моменту как заявителя заставили предоставить сведения относительно смерти господина Жвани и банковских счетов господина Саакашвили, мотивы его нахождения в предварительном заключении, по-видимому, потеряли своё значение, что привело Суд к установлению нарушения пункта 3 статьи 5 Конвенции в отношении периода начиная с 25 сентября 2013 года, что произошло незадолго до инцидента в декабре 2013 года... Далее, в это время, в декабре 2013 года, господин Саакашвили, в отношении которого с того времени было начато несколько уголовных расследований, только что покинул Грузию после истечения срока его президентских полномочий... С другой стороны, в расследовании смерти господина Жвани, которое было возобновлено в конце 2012 года, по всей видимости, не было достигнуто значительных успехов... Представляется очевидным, что оба вопроса имели существенное значение для [грузинских] властей. Заявление правительства в ходе слушания в Большой Палате о том, что всё ещё оставался «огромный вопрос» относительно смерти господина Жвани, на который заявителю предстояло ответить, является особенно убедительным в этом отношении... В то же время у органов уголовного преследования имелись полномочия снять с заявителя все обвинения в любой момент и в отсутствие какого-либо судебного контроля, в результате чего судам пришлось бы прекратить уголовные дела против него... что, следовательно, привело бы к его освобождению из предварительного заключения, как ему это было обещано Генеральным прокурором, господином О. П., если бы он предоставил требуемые сведения. Та значимость, которую власти придавали этому вопросу, также видна из того, каким образом весь инцидент 14 декабря 2013 года развивался, а впоследствии был прокомментирован и расследован. Заявителя отвезли на встречу с господином О. П., кото-

рый был назначен на должность за три недели до этого... тайным и крайне необычным способом, в ходе секретной операции, проведённой в середине ночи. Первоначальная реакция властей на соответствующие утверждения заявителя заключалась в полном отрицании... и последовавшие проверка и расследование были... отмечены чередой бездействий, из которых можно сделать вывод о том, что власти стремились к тому, чтобы этот вопрос не получил огласки. Основные исполнители, господин О.П. и господин Д.Д., были допрошены не в ходе проверки, а только при проведении расследования в сентябре 2016 года, почти через три года после событий, и ключевое доказательство по делу — запись с камер видеонаблюдения в тюрьме — не было получено.

353. Принимая во внимание все обстоятельства настоящего дела, Суд убеждён в том, что в ходе предварительного заключения... преобладающая цель ограничения права заявителя на свободу изменилась. Тогда как изначально она заключалась в расследовании правонарушений на основании обоснованного подозрения, впоследствии она трансформировалась в получение сведений о смерти господина Жвани и банковских счетах господина Саакшвили...

Практика органов международного правосудия, использованная в Постановлении: Court of Justice of the European Union. *The Queen v. Minister of Agriculture, Fisheries and Food and Secretary of State for Health, ex parte: Fedesa and Others*. C-331/88. Judgment of 13 November 1990; *Kingdom of Spain and Italian Republic v. Council of the European Union*. C-274/11 and C-295/11. Judgment of 16 April 2013; *European Commission v. Council of the European Union*. C-111/10. Judgment of 4 December 2013.

Особые мнения: совместное совпадающее мнение представили судьи Ганна Юдживска (Украина), Нона Цоцория (Грузия) и Фарис Вехабович (Босния и Герцеговина); совпадающее мнение представил судья Георгиос Сергидес (Кипр); совместное частично несопадающее мнение представили судьи Гвидо Раймонди (Италия), Роберт Спано (Исландия), Йон Фридрик Кьёлбро (Дания), Йонко Грозев (Болгария), Жорж Раванари (Люк-

сембург), Пере Пастор Виланова (Андорра), Алена Полачкова (Словакия) и Ляtif Гусейнов (Азербайджан).

Библиографическое описание:

Европейский Суд по правам человека: обзор постановления Большой Палаты от 28 ноября 2017 года по делу *Мерабшвили (Merabishvili) против Грузии* (жалоба № 72508/13) // Международное правосудие. 2018. № 1 (25). С. 20–37.

European Court of Human Rights: review of the Grand Chamber judgment of 28 November 2017 in the case of *Merabishvili v. Georgia* (application no. 72508/13)

Abstract

The Grand Chamber judgment of the European Court of Human Rights in the case of *Merabishvili v. Georgia* concerns the arrest and pre-trial detention of a former Prime Minister of Georgia, which, as claimed by the applicant, pursued ulterior purposes. The Grand Chamber concluded that, notwithstanding that the arrest and pre-trial detention initially conformed to the Convention, a continuation of the detention based on insufficient grounds and its use by the Georgian authorities to obtain information from the applicant violated respectively Article 5 § 3 and Article 18 taken in conjunction with Article 5 § 1 of the Convention. In this case the Grand Chamber provided an overview of the prior case law on Article 18 of the Convention, confirming previously established points that although Article 18 cannot apply alone, it can be breached even if there is no violation of the Article in conjunction with which it is applied, and it can only be contravened if the Convention right which has been interfered with is subject to restrictions — that is, is qualified rather than absolute. Furthermore, the Grand Chamber specified in relation to the situations when a restrictive measure pursues a plurality of purposes — whether or not prescribed by the Convention — that this in itself does not constitute a breach and in such situations a predominant purpose needs to be established. Finally, as far as the standard of proof is concerned, complaints under Article 18 do not necessarily require the applicant to furnish “direct and incontrovertible proof” and can be substantiated by circumstantial evidence.

Keywords

right to liberty and security; deprivation of liberty; arrest; pre-trial detention; limitation on use of restrictions on rights; plurality of purposes; predominant purpose; ulterior purpose.

Citation

(2018) Evropeyskiy Sud po pravam cheloveka: obzor postanovleniya Bol'shoi Palaty ot 28 noyabrya 2017 goda po delu *Merabishvili (Merabishvili) protiv Gruzii* (zhaloba No. 72508/13) [European Court of Human Rights: review of the Grand Chamber judgement of 28 November 2017 in the case of *Merabishvili v. Georgia* (application no. 72508/13)]. *Mezhdunarodnoe pravosudie*, no. 1, pp. 20–37. (In Russian).